

ΓΟΒΑΡΔ ΛΑΒΚΡΑΦΤ

ГОВАРД ЛΑΒΚΡΑΦΤ

Зов Ктулху

МОСКВА
2017

Howard Phillips Lovecraft
THE CALL OF CTHULHU

Перевод с английского *Л. Володарской, Л. Биндеман, Е. Любимовой, В. Кулагиной-Ярцевой*

Серия «Pocketbook»

Оформление *А. Саукова*

В оформлении обложки использована иллюстрация художника *Алексея Замкова*

Серия «100 главных книг»

Оформление *Н. Ярусовой*

Серия «Комната страха»

Оформление *О. Горбовской*

В оформлении обложки использованы иллюстрации:
Melkor3D / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

Лавкрафт, Говард Филлипс.

Л13 Зов Ктулху : повести, рассказы : [перевод с английского] / Говард Лавкрафт. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 384 с.

ISBN 978-5-699-94751-5 (Pocketbook)

ISBN 978-5-699-94753-9 (100 главных книг)

ISBN 978-5-699-94750-8 (Комната страха)

Имя Говарда Филлипса Лавкрафта прогремело на весь мир как эталон литературы ужаса. Одаренный искусством изящной словесности, он писал о страшных тенях в углу и о том, что недоступно обычным смертным, а лишь избранным. Его современники и сегодняшние герои хоррор историй отдают свою дань рассказам Лавкрафта. В сборник вошли топ-10 рассказов Говарда Филлипса Лавкрафта. Подборка лучших произведений ужасов, которые сделали его тем самым великим и могучим повелителем жанра, — «Зов Ктулху», «Дагон», «Притаившийся ужас», «Данвичский кошмар» и др.

УДК 821.111-312.2(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Володарская Л., перевод на русский язык, примечания. Наследники, 2017

© Биндеман Л., перевод на русский язык, 2017

© Любимова Е., перевод на русский язык. Наследники, 2017

© Кулагина-Ярцева В., перевод на русский язык, 2017

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

ISBN 978-5-699-94751-5

ISBN 978-5-699-94753-9

ISBN 978-5-699-94750-8

ДАГОН

Я пишу в необычном душевном состоянии, потому что вечером меня не станет. Без гроша в кармане, без лекарства, которое только и может делать мое существование сносным, я не могу терпеть пытку жизнью и выпрыгну из окна на убогую улицу. Не считайте меня слабовольным или дегенеративным из-за моей зависимости от морфия. Когда вы прочитаете эти наспех написанные страницы, то, наверное, поймете, хотя вряд ли поймете до конца, почему произошло так, что я должен или забыться, или умереть.

Это случилось в одном из самых необъятных и редко посещаемых участков Тихого океана. Пакетбот, на котором я был вторым помощником капитана, стал жертвой немецкого рейдера. Война только начиналась, и морские силы гуннов еще не совсем деградировали, так что наше судно стало их законным трофеем, а мы, то есть команда, — пленниками, к которым относились со всевозможным вниманием и уважением. Наши захватчики оказались столь беззаботны, что не прошло и пяти дней, как мне удалось усколь-

знуть на маленькой шлюпке с достаточным запасом пищи и воды.

Когда я остался один в открытом море, то имел весьма смутное представление о том, где нахожусь. Навигатор из меня неважный, поэтому по солнцу и по звездам я лишь приблизительно определил свое местоположение чуть южнее экватора. О долготе я не знал ничего, и в поле моего зрения не было ни одного острова, не говоря уж о материке. Погода стояла хорошая, и не помню, сколько дней я плыл без всякой цели под обжигающим солнцем в ожидании увидеть какой-нибудь корабль или обитаемую землю. Однако ни корабля, ни земли не было, и я начал впадать в отчаяние от своего одиночества в бескрайней синеве.

Перемена наступила, пока я спал, и мне никогда не узнать, как все было, потому что мой беспокойный, тревожимый кошмарами сон оказался долгим. Когда же я наконец проснулся, то обнаружил, что тону в вязком черном болоте, которое, как исчадие ада, раскинулось, сколько хватало глаз, а моя лодка неподвижно застыла довольно далеко от меня.

Нетрудно представить, как я должен был изумиться такой чудовищной и неожиданной перемене пейзажа, но на самом деле я больше испугался, чем удивился, потому что и в воздухе, и в гнили я чувствовал нечто зловещее, от чего у меня стыла кровь в жилах. Кругом все было усеяно костями разложившихся рыб и другими менее годными для описания предметами, которые торчали из отвратительной бескрайней сля-

коти. Нечего и надеяться, что мне удастся словами передать неопишемую бесплодную неохватную мерзость, существовавшую в абсолютной тишине. Я ничего не слышал и ничего не видел, кроме черного липкого ила, и этот тихий однородный пейзаж подавлял меня, внушая тошнотворный страх.

Солнце ослепительно сверкало в небе, которое показалось мне почти черным в своей безоблачной жестокости, словно оно отражало чернильное болото у меня под ногами. Когда я вполз в лодку, то сообразил, что только одна теория может объяснить мое тогдашнее положение. Благодаря какому-то беспрецедентному вулканическому извержению дно океана поднялось наверх, выставив напоказ то, что миллионы лет было скрыто в его бездонных глубинах. Причем поднялось оно основательно, так как я не слышал ни малейшего движения волн, сколько ни напрягал слух. Не было здесь и морских охотников, охочих до падали.

Несколько часов, пока солнце медленно пересекало небо, я, размышляя таким образом, провел в лодке, которая лежала на боку и давала немного тени. Понемногу грязь подсыхала и в недалеком будущем должна была стать вполне проходимой. Ночью я спал, но мало, а на другой день приготовил что-то вроде мешка для пищи и воды и стал ждать, когда можно будет начать поиски пропавшего моря и возможного спасения.

На третье утро земля совсем высохла. От рыб стояла ужасающая вонь, однако мои мысли были заняты куда более серьезными вещами, чтобы

обращать на это внимание, и я смело отправился к неведомой цели. Весь день я упорно двигался на запад в направлении довольно высокого холма вдалеке, который был выше остальных в этой пустыне. Ночью я отдыхал, а утром опять шел в направлении холма, хотя он почти не приблизился со вчерашнего дня. На четвертый вечер я был у его подножия, и он оказался куда выше, чем можно было предположить изначально. От меня его отделяла долина, из-за которой он еще резче контрастировал с остальным пейзажем. Слишком усталый, чтобы лезть наверх, я заснул в его тени.

Не знаю, почему в ту ночь меня мучили жуткие сны, но вскоре над оставшейся на востоке равниной встала ущербная и на удивление выпуклая луна, и, проснувшись в холодном поту, я решил больше не спать. Посетившие меня кошмары были такие, что у меня не появилось желания вновь их увидеть. В свете луны я понял, как неразумно поступал, путешествуя днем. Мои переходы стоили бы мне меньшего труда в отсутствие обжигающего солнца, к тому же я вдруг ощутил в себе силы подняться на вершину, испугавшую меня на закате дня, и, подобрав мешок, двинулся в путь.

Я уже говорил, что монотонный холмистый пейзаж внушал мне непонятный ужас, однако, насколько я помню, он стал еще сильнее, когда я залез на вершину и заглянул в бездонную яму или каньон с другой стороны горы, черные глубины которого луна была не в силах одолеть. Мне показалось, что я стою на краю земли и загляды-

ваю в непостижимый хаос вечной ночи. Забавно, но мне вспомнился «Потерянный рай» и как Сатана карабкается там по ночным кручам.

Луна поднималась все выше, и привидевшаяся мне крутизна уже меня не пугала. Там было вполне достаточно уступов, чтобы обеспечить безопасный спуск, а через пару сотен футов склон вообще стал совершенно пологим. Побуждаемый непонятными даже мне самому мотивами, я не без труда спустился со скалы и заглянул в стигийские глубины, куда не достигал свет.

Почти сразу мое внимание привлекло нечто на противоположном крутом склоне примерно в сотне футов от меня. Этот одинокий и довольно большой предмет светил белым светом в лучах восходящей луны. Я постарался уверить себя, что вижу обыкновенный, хотя и очень большой, камень, однако сразу и отчетливо осознал — и сам он, и его положение на склоне горы дело рук не одной природы. Более пристальный осмотр наполнил меня чувствами, которые я не могу описать, ибо, несмотря на исполинские размеры и пребывание в пропасти на морском дне с тех самых времен, когда мир был еще молод, камень, вне всякого сомнения, представлял собой отличной формы монолит, который познал на себе искусство и, может быть, поклонение живых и мыслящих существ.

Одновременно испуганный и взволнованный, как это бывает с учеными или археологами, я более пристально взгляделся в то, что меня окружало. Приблизившаяся к зениту луна таинственно

и ярко светила над высокими кручами, которые были окружены глубокой расселиной, подтверждающая тот факт, что основная масса воды находилась в глубине и, растекаясь в разных направлениях, едва не лизала мои ноги. С другой стороны расселины волны омывали подножие циклопического монолита, на поверхности которого я уже разглядел надписи и грубые скульптуры. Надписи были сделаны незнакомыми и не похожими ни на какие виденные мною в книгах иероглифами, в основном состоявшими из обыкновенных водных символов — рыб, угрей, спрутов, раков, моллюсков, китов и всего остального в том же роде. Несколько символов представляли неизвестные современному миру морские формы, которые я уже видел на поднятом со дна иле.

Резьба поразила меня красотой и необычностью. По другую сторону разделяющих нас вод я отлично видел очень большие барельефы, которые непременно вызвали бы зависть Доре. Думаю, они изображали человека, по крайней мере подобие человека, хотя эти существа резвились, как рыбы в каком-то морском гроте, или молились на монолитное святилище тоже глубоко под водой. Я не смею подробно описывать их лица и тела, потому что от одного лишь воспоминания едва не лишаюсь чувств. Придумать такое было бы не под силу даже По и Булверу. Общим обликом они чертовски походили на людей, несмотря на перепончатые руки и ноги, невероятно большие и мягкие губы, стеклоподобные выпученные глаза и другие черты, менее приятные

для воспоминаний. Довольно странно, что они были изображены непропорционально своему фону и окружению, например, в одной из сцен это существо убивало кита, который был совсем ненамного больше его. Я обратил внимание, как я уже сказал, и на их фантастичность, и на их огромность и вскоре решил, что вижу воображаемых богов одного из примитивных приморских племен, последний представитель которого сгинул задолго, за много веков до появления неандертальца. Пораженный этим неожиданным проникновением в прошлое, которое недоступно даже самому смелому антропологу, я пребывал в смятении, а луна тем временем высвечивала для меня странные изображения.

Неожиданно я увидел его. Слегка вспенив воду, оно поднялось над ее темной поверхностью прямо передо мной. Огромное, словно Полифем, отвратительное, громадное чудовище из кошмарного сна метнулось к монолиту, обвило его гигантскими чешуйчатыми руками и, опустив голову, дало волю каким-то непонятным словам. Мне показалось, что я схожу с ума.

Почти не помню, как я спускался с горы и как бежал обратно к лодке. Кажется, я много пел и смеялся, когда уже не мог петь. Смутно вспоминаю довольно сильный шторм, который начался вскоре после того, как я возвратился к лодке, по крайней мере я уверен, что слышал раскаты грома и все остальное, чем природа выражает свою ярость.

Разум вернулся ко мне в больнице в Сан-Франциско, куда меня доставил капитан амери-

канского корабля, заметивший посреди океана одинокую лодку. В бреду я много разговаривал, однако на мои слова почти не обращали внимания. Ни о каком извержении в Тихом океане мои спасители ничего не знали, а я не видел смысла настаивать на том, во что они все равно не смогли бы поверить. Однажды я разыскал известного этнографа и напугал его необычными вопросами о старинной легенде филистимлян, в которой рассказывается о Дагоне, боге-рыбе, но вскоре я понял, что он безнадежно нормальный человек, и оставил его в покое.

По ночам, особенно когда светит ущербная и выпуклая луна, он постоянно является мне. Я попробовал морфий. Наркотик подарил мне временное облегчение, зато теперь я его вечный и отчаявшийся раб.

Пришла пора покончить с этим, тем более что я написал подробный отчет о происшедшем для ознакомления или развлечения моих приятелей. Часто я спрашиваю себя, а не было ли все это чистойшей фантазмагорией — лихорадочным бредом бежавшего из немецкого плена и перегревшегося на солнце человека? Так я спрашиваю себя, и тогда ко мне приходит отвратительное видение. Без содрогания я не могу даже думать о море, так как тотчас вспоминаю безымянных существ, которые, возможно, в это время ползают и барахтаются в вязком болоте, поклоняются древним каменным идолам или вырезают свои отвратительные подобию на подводных обелисках из мокрого гранита. Я вижу в снах тот день, когда

они восстанут из глубин и утащат в своих вонючих когтях остатки хилого, изможденного войной человечества. Я вижу в снах тот день, когда земля утонет, а черное дно океана и адское подземелье окажутся наверху.

Конец близок. Снаружи слышен шум, словно в дверь бьется большое и необычно скользкое существо. Ему меня не достать. Боже, *рука!*

Окно! Окно!

ИЗ ПОТУСТОРОННЕГО МИРА

Ужасная, невообразимая перемена произошла с моим лучшим другом Кроффордом Тиллингхастом. Я не виделся с ним с того памятного дня два с половиной месяца тому назад, когда он открыл мне, какую цель преследуют его физические и метафизические исследования. В ответ на мои исполненные благоговейного страха возражения и увещания он в порыве фанатической ярости просто выставил меня из лаборатории и из дома. Я знал, что Кроффорд почти все время проводит, запершись в мансарде, в своей лаборатории, наедине с проклятой электрической машиной, слуг отпустил, почти ничего не ест, но мне и в голову не приходило, что за два с половиной месяца с человеком может произойти такая перемена. Меня неприятно поразило, что мой друг, человек плотного телосложения, стал худым как щепка, но еще больше — обвислая кожа серовато-желтоватого цвета, запавшие глаза с жутковатым огоньком и темными кругами под ними, морщинистый лоб со вздувшимися венами и трясущиеся руки. Ко всему прочему он был отталкиваю-

ще, вопиюще неопрятен в одежде, седые у корней волосы висели патлами, на лице, прежде гладко выбритом, выросла неряшливая седая щетина. Я пришел в шок от одного лишь вида Кроффорда Тиллингхаста, когда, получив его сумбурное послание, явился в его дом через два с половиной месяца после изгнания. Передо мной стоял дрожащий призрак со свечой в руке. Он опасливо поглядывал через плечо, будто страшился чего-то невидимого в своем старом одиноком доме в глубине Беневолент-стрит.

Начнем с того, что Кроффорду Тиллингхасту вообще не следовало заниматься наукой и философией. Они — удел хладнокровного беспристрастного исследователя, ибо предлагают две одинаково трагические альтернативы нервному деятельному человеку — отчаяние, если его поиск не увенчался успехом, и невообразимый непередаваемый ужас, если увенчался. Ранее Тиллингхаст был жертвой неудачи и пребывал в одиночестве и меланхолии, теперь же, как подсказывал мне собственный мерзкий страх, он стал жертвой успеха. Я предупреждал его об этом при нашей последней встрече, когда он поделился со мной переживаниями по поводу своего будущего открытия. Тогда он был очень возбужден и взволнован и говорил неестественно высоким голосом, хоть и в своей обычной педантичной манере.

— Что нам известно о мире, о Вселенной вокруг нас? — рассуждал он. — У нас абсурдно мало средств получения информации, и наши понятия об окружающих нас предметах чрезы-